А. В. ПТЕНЦОВА

ДАЖЬ ВЪ НѦ ПОѦ ОБРѦЩЄ КРИВО… О СОЮЗЕ ДАЖЄ И СТАТУСЕ КОНСТРУКЦИИ ДА + *ПРЕЗЕНС* В ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТАХ

Дорогому А. Гиппиусу —
в честь недавнего юбилея.

0. Статья представляет собой изложение некоторых предположений о происхождении и семантике условного союза **даже** — в том виде, в каком он употребляется в нескольких известных памятниках новгородского ареала.

1.1. Рассмотрим прежде всего два фрагмента Мстиславовой грамоты, древнейшего русского акта, датируемого временем ок. 1130 г. (цит. по: [Обнорский, Бархударов 1999: 41]):

(1) **Даже** который кнѧзь по моѥмь кнѧжении почьнеть хотѣти ѿꙗти оу ст҃го гєѡргиꙗ. а бг҃ъ боуди ꙁа тѣмь и ст҃аꙗ бц҃а и тъ ст҃ыи гєѡргии оу него то ѡтимаѥть (строка 5—8) — «Если какой-нибудь князь после моего княжения захочет отнять [дарованное], то будь за этим Бог, и святая Богородица, и тот святой Георгий, у которого [князь] отнимает»;

(2) **Даже** кто ꙁапъртить или тоу дань и се блюдо. да соудить ѥмоу бг҃ъ въ д҃нь пришьствиꙗ своѥго и тъ ст҃ыи [г](єѡ)ргии (строка 19—21) — «Если кто-нибудь нарушит предписание, связанное с той (указанной выше) данью или с этим блюдом, пусть судит его Бог в день пришествия Своего и тот святой Георгии».

Эти фрагменты представляют собой так называемые санкции — угрозы в адрес того, кто посмеет нарушить установленное грамотой; первая их часть указывает на условия, при которых Божий гнев обрушится на голову нарушителя. Оба раза указание на эти обстоятельства вводится посредством союза **даже**, которому словари в подобных случаях приписывают условное значение[1].

Аналогичным образом используется **даже** в приписке писца Домки на полях Новгородских служебных миней 1095—1097 гг:

[1] См. [Срезневский 1958: 624; Словарь XI—XIV: 422]; нужно заметить, однако, что в [Словарь XI—XVII] этого значения для **даже** не выделяется.

Русский язык в научном освещении. № 2 (28). 2014. С. 180—190.

(3) … **дажь въ нѧ поѧ обрѧще криво а** ⟨...⟩ — «Если [кто-нибудь], служа по ним (этим книгам), найдет ошибку, то... »[2] (Сент., л.176; цит. по: [Обнорский, Бархударов 1999: 37]).

То же значение **даже** находим и в Новгородской I летописи по Синодальному списку (НIЛ):

(4) … **твьрдиславъ же позрѧ на ст҃оую софию и рече даже боуду виноватъ да боудоу тоу мертвъ боуду ли правъ а ты мѧ оправи г҃ди** (НIЛ по Синод. сп., л. 90 об., 1218 г; цит. по: НIЛ 1950); — «Твердислав же сказал перед Святой Софией: «Если окажусь виноват, пусть и умру здесь, а если прав, то Ты меня оправдай, Господи».

Нет сомнения, что во всех перечисленных случаях **даже** выступает в функции условного союза.

Нельзя, однако, не отметить некоторый избыток условных союзов в древнерусском языке: **аще**, **аже**, **оже**, **аче**, **али**; все они находятся в отношениях очень близкой, если не точной, синонимии; причем все союзы, кроме первого, являются некнижными, то есть не противопоставлены друг другу и в отношении регистров, в которых используются. В связи с этим факт наличия еще одного союза с той же семантикой требует специального объяснения.

Кажется возможным предложить здесь следующее решение: весьма вероятно, что условность первоначально передавалась в этих контекстах при помощи хорошо известной по книжным памятникам и традиционно считающейся принадлежностью именно книжных древнерусских текстов конструкции **да** + *презенс* (выражающей в центральных своих употреблениях идею оптативности), а частица **же** была вставлена в эту конструкцию, так сказать, вторым шагом[3].

Попробуем доказать правильность этого предположения. Уберем мысленно частицу **же**, например, из первого контекста — и получим следующее:

(1′) **Да который кнѧзь по моѥмь кнѧжении почьнеть хотѣти ѿꙗти**…

Может ли этот контекст сам по себе вводить условие? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, как ведет себя семантически близкая конструкция в современном русском языке.

---

[2] Далее обрыв текста.

[3] При этом сочетание **да же** должно было представлять собой проклитико-энклитический комплекс; ср.: «В особых случаях тактовая группа может [...] состоять только из проклитики и энклитики» [Зализняк 2004: 186]; см. также о возможности реализации в языке новгородских берестяных грамот модели **не ли еси далъ**, «где начальная тактовая группа вообще не содержит акцентно самостоятельного слова, а складывается из проклитик и энклитик» [Там же: 188]; далее отмечается, что данная модель ограничена лишь небольшим количеством проклитико-энклитических сочетаний — но **да же** входит в этот список.

1.2. Поскольку **да** + *презенс* соотносится в современном русском в первую очередь с сочетанием частиц *пусть (пускай)* с личной формой глагола, обратим внимание на то, что высказывания с этими частицами, наряду с передачей оптативного смысла (например, *Пусть* / *Пускай он придет*), могут указывать также и на условие.

Рассмотрим толкования двух значений слова **ПУСТЬ**, словарная статья которого представлена в [Проспект АС 2010: 203—204]. **Пусть 1.1**: *пусть A1* ‘Говорящий выражает желание, чтобы имела место A1’ (*Пусть всегда будет солнце!*); при этом важно отметить, что в условиях задач данная лексема имеет значение спец. ‘предположим, что’ (*Пусть прямая AB параллельна прямой CD*); кроме того, **пусть 1.1**, будучи произнесено с некоторой специальной интонацией, может выражать угрозу или предостережение (*Пусть только попробует!*). **Пусть 2.1**: *A1, пусть A2* ‘Говорящий уверен, что ситуация A1 имеет или будет иметь место, даже если имеет место очень значительное A2; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа A2, то имеет место ситуация типа не-A1’ (*Мы не вправе его осуждать, пусть он и виноват*).

Аналогичным образом описывается в словаре и частица **ПУСКАЙ**[4] [Проспект АС 2010: 204—206].

Приведем еще одно толкование значения, соответствующего указанному **пусть 2.1**, предложенное в [Санников 2008: 454]: *Пускай* / *пусть X, (но* / *а) Y*[5] = ‘1) Реально существует (или возможно) событие X или: 2) существует мнение, что для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие X и степень его реальности; я не оспариваю это мнение, которое считаю ошибочным или сомнительным, и надеюсь, что будет проявлено внимание и к моему мнению; 3) при любых условиях считаю излишним обсуждать событие X и степень его реальности, поскольку для обсуждаемой ситуации первостепенное значение имеет событие Y, не зависящее от наличия, возможности или отсутствия события X’.

Возможность совмещения обеими частицами значений побуждения, с одной стороны, и допущения, принятия, с другой, отмечается также в [АГ 1980: 115]; ср. *Пускай умру с последней белой вьюгой* (Ахматова).

Приведенный материал хорошо иллюстрирует способность современных лексем *пусть* и *пускай* передавать как смысл ‘желательность’, так и смысл ‘условность’. Поэтому вполне можно предположить, что и у древнего аналога сочетания *пусть (пускай)* с глаголом, а именно у рассматриваемой конструкции **да** + *презенс*, мог существовать тот же комплекс значений.

Сопоставим подробнее, например, формулировки санкций Мстиславовой грамоты и современные употребления *пусть*.

---

[4] Автор словарных статей **ПУСТЬ** и **ПУСКАЙ** — В. Апресян.

[5] Ср.: «Мы склонны считать *пусть* и *пускай* полными синонимами [...] и видеть отличие (возможно, единственное) *пусть* от *пускай* лишь в том, что *пусть* закрепилось как штамп в математических и некоторых других научных контекстах» [Санников 2008: 448].

Заметное сходство с обсуждаемым употреблением **да** + *презенс* имеют, в частности, указанные «математические» контексты, где вводятся те или иные допущения, служащие условиями для дальнейших рассуждений[6]; ср.:

(5) *Пусть сумма углов треугольника не равна 180 градусам*;
(6) *Пусть топологическое пространство X обладает счетным базисом.*

Однако максимальное сходство с употреблением ***да*** + *презенс* в санкциях Мстиславовой грамоты имеют упомянутые выше современные контексты, содержащие «*пусть* угрозы»:

(7) *Пусть он только сунется, мы ему покажем!*

Понятно, что и здесь выражается скорее не пожелание, а предположение о возможном развитии событий, которое является условием для приведения угрозы в действие.

Тем самым, кажется правильным перевести условия применения санкций следующим образом: «Пусть (только) какой-нибудь князь после моего княжения захочет отнять [пожалованное]!»; «Пусть (только) кто-нибудь нарушит предписание!»

2. В связи со сказанным интересно ответить на следующий вопрос: если высказанное предположение верно и идея условия передавалась в подобных случаях — по крайней мере, первоначально — без помощи частицы **же**, какое значение могла — опять-таки, по крайней мере, первоначально — вносить эта частица?

Обратимся еще к нескольким примерам подобного рода. Рассмотрим три из четырех зафисированных случаев употребления условного **даже** в Вопрошании Кириковом (ВК), известном памятнике церковного права, датируемом 1130—1156 гг. (цит. по [Мильков, Симонов 2011]):

(8) … **к** (sic!) **намъ делѧ рекше лихвы тако велѧше оучити** ⟨…⟩ **еже простьца то р҃ци емоу не достоить имати и намъ мнѣ р҃ци грѣхъ не молвивше. даже не могоуть сѧ хабити. то рци имъ боудите мл҃рди. възмѣте легко** (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791, XV в.; л.17б—18а) — «А про проценты, то есть лихву, (Нифонт) так велел наставлять: ⟨…⟩ [если учишь] мирянина, то скажи ему: «Не следует брать процентов, а мне, — скажи, — грех не сказать об этом». Если же они не могут удержаться, то скажи им: «Будьте милосердны! Берите мало»;

(9) … **аже се ѡтроци холостїи каютсѧ оу н҃а. ꙗко блюсти сѧ блоуда. да дроугын съблюдеть колико любо а дроугыи мало. даже и падаеть. ѧ҃зѣ ли имъ в҃ божници быти** (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791; л. 29а) — «Если отроки холостые исповедуются у нас (и обещают) воздерживаться от блуда и если один воздержится

[6] Обратим внимание на то, что слова *пусть* и *допущение* являются однокоренными.

сколько-нибудь, а другой мало, если он и впадет в грех, — можно ли таким быть в церкви?»;

(10) … **въ великы**ⁱ **поѡстъ** (sic!) **аже се емльмъ доры п**ᵀ**ѧ пѡ**ᶜ**ныхъ д҃нвъ даже не пригодитсѧ елико д҃нвъ слоужити** (ВК, Осн. ред.; сп. ГИМ, Увар., № 791; л. 36а) — «Если мы во время Великого поста берем дору на пять постных дней, и если [она] не пригодится, то сколько дней [еще можно] служить?».

Как кажется, все приведенные древнерусские примеры имеют одну общую семантическую особенность: вводимое в них условие каждый раз представляет собой нарушение запрета или нарушение нормы. В самом деле, санкции Мстиславовой грамоты адресованы нарушителю воли князя; Домка допускает, что мог ошибиться при переписывании священного текста; примерно то же видим во фрагменте (4) из НІЛ: оказаться виноватым, с точки зрения говорящего, есть нарушение нормального хода событий. Нарушение этической нормы или религиозного установления описывается и контекстами из ВК, за исключением последнего из них (10), где речь идет о несоответствии расчетов действительности, — что опять-таки является нарушением прогнозируемого развития ситуации.

Материал берестяных грамот, к сожалению, не позволяет сделать сколько-нибудь надежных выводов: комбинация **да** + **же** представлена здесь всего трижды[7], и только в неполных текстах. Вот фрагмент одного из них:

(11) ⟨…⟩ **а прислати ти** ⟨…⟩ **(к)[е]н[да]р[ѧ соли д[а]ж[е] ти то не любо а** ⟨…⟩ (бер. гр. № 627, сер. 50 — сер. 90-х гг. XII в.; здесь и далее материал берестяных грамот цит. по: [Зализняк 2004]) — «… Ты должен прислать мне (сколько-то) кендарей соли. Если же тебе это не угодно…» (пер. А. А. Зализняка).

Однако и из этого небольшого контекста понятно, что и здесь речь идет о нарушении нормы, состоящей в том, что должнику «угодно» отдавать свои долги.

Все это позволяет с большой долей уверенности предположить, что частица **же** в случаях рассмотренного типа первоначально имела противительное значение. Тем самым, **же** была исходно независима от вводившей условие конструкции **да** + *презенс* и срослась с нею позднее; при этом до сращения значение комбинации **да** + **же** + *презенс* могло примерно соответствовать современному ‘но если Р’.

3. Весьма показательно, что в абсолютном большинстве случаев рассматриваемая конструкция продолжает употребляться с глаголом в форме

[7] Два раза сочетание **да же**, помеченное как «*союз* ‘если’», дано в словоуказателе к берестяным грамотам отдельным входом (берестяные грамоты № 711 и 627) и один раз — в составе более распространенного союзного комплекса **да же ти**, тоже с комментарием «*союз* ‘если’» (смоленская берестяная грамота № 12) [Зализняк 2004: 729].

настоящего времени, что может служить еще одним косвенным подтверждением обсуждаемой гипотезы.

В самом деле, прочие условные союзы, наряду с настоящим временем, легко сочетаются с другими глагольными формами. Ср., например:

— с прошедшим временем:

(12) … **аче кто оу половець оутечашеть. оу городъ. а тѣхъ не выдавашеть** (Ип. лет., 1154 г; цит. по [Словарь XI—XIV 1988: 100]);

— с причастием:

(13) … **аже водѧ по :гі: рѹблѧ прода : али не водѧ**[8] **нь продаі** (берестяная грамота № 65, 1300—1320 гг.).

В противоположность этому, сочетание **да же** употребляется во всех рассмотренных случаях только с глаголами в презенсе (или с нулевой связкой, как в (11)).

4.1. Рассматривая особенности употребления сочетания служебных слов **да же**, невозможно не провести параллель с комбинацией **да** + **ти**, образовавшей впоследствии целевой союз **дати** (**дать**).

Описание этого сочетания было предложено А. А. Зализняком в [НГБ 1986: 160—161] и [Зализняк 2004: 198—200] на материале берестяных грамот. Ср.:

(14) … **аже то лодиѧ присълана кыѧнинѧ обѣсти ѫ кънѧзоу дати не боуде присловъѧ ни тобѣ ни павълови** (бер. гр. № 745, кон. XI — перв. четв. XII в.) — «Если ладья киевлянина [уже] прислана, то сообщи о ней князю, чтобы не было худой славы ни тебе, ни Павлу» (пер. А. А. Зализняка).

«Этот диалектный древненовгородский союз возник в результате слияния **да** ‘пусть’ с частицей **ти**». При этом еще в XII в. между этими компонентами возможна была постановка других слов, то есть союз как таковой сформировался позднее [Зализняк 2004: 199].

Важно отметить, что так же, как и в случае с **даже**, «союз **дати** (**дать**) выступает в нормальном случае в сочетании с презенсом»; модификациями такого сочетания являются примеры, где опущена связка в настоящем времени [Там же: 199]:

(15) …**спиши списокъ с купнои грамотѣ да пришли сѣмо куды грамота поведе дать ми розумно** (берестяная грамота № 53, 10-е — 30-е гг. XIV в.) — «Спиши список с купчей грамоты да пришли сюда, чтобы мне было понятно, куда поведет купчая грамота (то есть как проходит граница купленной земли)» (перевод А. А. Зализняка).

---

[8] Форму **водѧ** можно счесть и презенсом без **-ть**. Ср., однако: «**Водѧ, не водѧ** — скорее причастия, чем словоформы 3 мн. презенса» ([Зализняк 2004: 536]).

Правда, кроме этого, при **дати** может быть употреблена частица **бы** и тем самым возможны конструкции с сослагательным наклонением и инфинитивом, однако они зафиксированы лишь в единичных случаях [Там же: 199].

А. А. Зализняк напрямую связывает данный союз с конструкцией ***да*** + *презенс* и отмечает, что «употребление конструкции «**да** + презенс» в целевом значении, послужившее источником союза **дати**, образует новгородско-южнославянскую изоглоссу и отличает древненовгородский диалект от других восточнославянских» [НГБ 1986: 160].

Дальнейшую судьбу этого союза автор описывает следующим образом: «Будучи первоначально связан с конструкцией «**да** + презенс», [целевой **дати**] со временем приобрел бóльшую самостоятельность и стал сочетаться не только с презенсом, но и с другими формами глагольной парадигмы» [Там же: 160].

4.2. Остановимся попутно еще на одном контексте, содержащем союз **дати**. Это фрагмент уже цитировавшегося ВК:

(16) **аже сѧ боленъ покаеⷮ҃. велѧше безъ риꙁ покаѧти его. аще не можеⷮ до ц҃ркви доити. аще реч҃ жена боудет то ѡблеци сѧ в ризы или во ц҃ркви ѡблеци сѧ велико бо реч҃ покаѧние да ти не просто м҆нѧтъ д҆роузии** (ВК, Особая ред. по сп. РГБ ф. 247, Рогож. № 342, XVI в., л. 40а) — «Если больной будет каяться, (владыка) велел без риз исповедовать его, раз он не может дойти до церкви. Если же, — сказал, — женщина станет [каяться], то облачись в ризы или в церкви облачись. Ибо великое [дело], — сказал он, — покаяние, [и надлежит облачаться], чтобы другие не считали его простым (то есть простецким)».

Этот перевод подразумевает, что сочетание **дати** уже является цельным союзом. Однако, учитывая то обстоятельство, что текст ВК был создан в XII веке, когда **да** и **ти** в единый союз еще не срослись, можно счесть, что здесь представлена «чистая» конструкция **да** + *презенс*, имеющая в данном случае свое «стандартное» оптативное значение, а частица **ти** выполняет усилительную функцию (присущую ей в свободном употреблении; см. [Зализняк 2004: 196—197]). В таком случае перевод должен принять следующий вид: «Ибо великое дело, — сказал он, — покаяние. Пусть же иные не считают его простым».

Второй вариант кажется более приемлемым еще и потому, что в этом случае не надо предполагать, что в тексте остался не эксплицированным довольно весомый семантический фрагмент ‘и надлежит облачаться’.

5. Итак, кажется весьма вероятным, что условный союз **даже**, так же, как и целевой **дати**, возник на базе конструкции **да** + *презенс*[9]. Реконструируемая история **даже**, как и история **дати**, может служить важным доводом

[9] Интересно отметить, что **даже** ‘если’ относится к числу характерных синтаксических русизмов (ср. [Пичхадзе 2011: 97; Гиппиус 2008: 118]).

в пользу того, что, хотя **да** + *презенс* традиционно считается принадлежностью книжного синтаксиса, заимствованной из южнославянской традиции, эта конструкция существовала в живом языке восточных славян — по крайней мере, в диалектах, связанных с территорией древнего Новгорода.

Если предполагать у **да** + *презенс* узкую локализацию в восточнославянской зоне, то необходимо согласиться с мнением А. А. Зализняка о том, что данная синтаксическая особенность была связана с северными кривичами, диалект которых имел ряд существенных отличий от прочих известных нам восточнославянских говоров по целому ряду фонетических, морфологических и лексических признаков и объединялся по этим признакам с диалектами западнославянскими[10]. Ильменские же словене, чей язык также нашел отражение в новгородских памятниках, в лингвистическом отношении являлись более типичными представителями восточных славян (хотя по ряду признаков их диалект коррелировал с южнославянскими[11]), поэтому связывать употребление **да** + *презенс* с ильменско-словенским диалектом было бы менее естественно.

Впрочем, весьма вероятно, что, поскольку **даже** в условном значении встречается и в памятниках неновгородского происхождения, отражающих живой язык восточных славян[12], данная конструкция имелась и в других древнерусских диалектах, но, может быть, была в них менее употребительна — как, например, обстоит дело с частицей **ти**, фиксирующейся на широкой территории, но интенсивно употреблявшейся только в северно-кривичском диалекте [Зализняк 2004: 196].

6. Так или иначе, рассмотренный материал позволяет предположить, что по крайней мере в части диалектов древнерусского языка существовала синтаксическая конструкция **да** + *презенс*, которая, по-видимому, могла служить не только для передачи оптативного (или близкого ему императивного) смысла, но и смысла условного[13].

---

[10] Ср.: «С одной стороны, выделяется северная (точнее, северо-западная) группа древних диалектов, включающая польский, севернолехитские, лужицкие и севернокривичский» [НГБ 1993: 232].

[11] Ср.: «С другой стороны, выделяется юго-восточная группа диалектов, включающая болгарский, сербскохорватский, словенский, ильменско-словенский и южные диалекты восточнославянской зоны» [Там же: 232].

[12] Ср.в прямой речи, фиксируемой в Киевской летописи: **и р҃ч҃е изѧславъ даже ны б҃ъ поможеть а сѧ ихъ ѿтобьемъ** (1151 г.); **ны҃н же брате сеѣ весны помози на. даже будевѣ вѣ порозна. а вѣ будевѣ съ своими полкы тобѣ въ помочь** (1151 г.) и др. (цит. по интернет-ресурсу: www.lrc-lib.ru); надо заметить, что оба приведенных контекста, видимо, не предполагают оттенка противопоставления в условии, вводимом **даже** (что, впрочем, можно объяснить постепенным стиранием внутренней формы лексемы).

[13] Данная гипотеза встречает, однако, некоторую трудность, связанную с семантикой болгарского служебного слова *дори́*, способного выражать тот же ком-

При этом между древнерусским и современным русским языками имеется отчетливая семантико-синтаксическая параллель: современные частицы *пусть и пускай* в сочетании с настоящим (простым будущим) временем глагола, как и древнерусская частица **да** в составе рассмотренной конструкции, могли выражать те же смыслы — ‘побудительность’ / ‘желательность’ и ‘условие’.

Интересно отметить в связи с этим, что форма повелительного наклонения, которая в современном русском может, как известно, передавать значение условия (ср. *Щепотки волосков лиса не пожалей*, / *Остался б хвост при ней* — И. А. Крылов), восходит к индоевропейскому оптативу, ср.: «Ни одна славянская форма не представляется продолжением индоевропейского повелительного наклонения. Славянское повелительное наклонение продолжает индоевропейский оптатив (желательное наклонение)»; причем «индоевропейский оптатив ⟨…⟩ означает возможность и пожелание» [Мейе 2001: 264].

Этот факт хорошо демонстрирует, что смыслы ‘побудительность’ / ‘желательность’ и ‘условие’ исходно представляли собою единый семантический комплекс.

Литература

АГ 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Гиппиус 2008 — А. А. Гиппиус. Загадки Мстиславовой грамоты // Miscellanea Slavica // Сборник статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008.

Геров 1975 — Н. Геров. Речник на българския език. Ч. I, София, 1975.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Мейе 2001 — А. Мейе. Общеславянский язык. М., 2001.

Мильков, Симонов 2011 — В. В. Мильков, Р. А. Симонов. Кирик-новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011.

НГБ 1986 — В. Я. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1977—1983 гг. М., 1986.

НГБ 1993 — В. Я. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984 — 1989 гг. М., 1993.

НIЛ 1950 — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Обнорский, Бархударов 1999 — С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I, М., 1999.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

плекс значений, что и древнерусское **даже**: ‘пока; даже; если’ (ср. [Геров 1975: 346; Чукалов 1960: 165], но восходящего к прасл. **dože* — сложению, в первой части которого гласный представлен на ступени краткости (ср. [Słownik prasłowiański 1979: 24—25]); при этом прасл. **do* не связано в славянских языках со смыслами желательности и побудительности. Вопрос нуждается в дальнейшем изучении; приносим благодарность А. А. Пичхадзе за высказанное замечание.

Проспект АС 2010 — В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Е. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, М. Я. Гловинская, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. Проспект активного словаря русского языка. М., 2010.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Словарь XI—XIV 1988 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Вып. 1. М., 1988.

Словарь XI—XIV 1989 — Словарь древнерусского языка XI — XIV вв. Вып. 2. М., 1989.

Словарь XI—XVII — Словарь древнерусского языка XI—XVII вв. Вып. 4. М., 1977.

Срезневский 1958 — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. М., 1958.

Чукалов 1960 — С. К. Чукалов. Болгарско-русский словарь. София, 1960.

Słownik prasłowiański 1979 — Słownik prasłowiański. T. III. Wrocław; Warzsawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

References

AG 1980 — Russkaya grammatika. T. 2. Moskva, 1980.

Chukalov 1960 — S. K. Chukalov. Bolgarsko-russkiy slovar. Sofiya, 1960.

Gerov 1975 — N. Gerov. Rechnik na blgarskiya yezik. Ch. I, Sofiya, 1975.

Gippius 2008 — A. A. Gippius. Zagadki Mstislavovoy gramoty / Miscellanea Slavica // Sbornik statey k 70-letiyu B. A. Uspenskogo. Moskva, 2008.

Meillet 2001 — A. Meillet. Obshcheslavyanskiy yazyk. Moskva, 2001.

Milkov, Simonov 2011 — V. V. Milkov, R. A. Simonov. Kirik-novgorodec: uchenyy i myslitel. Moskva, 2011.

NGB 1986 — V. Ya. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskiye gramoty na bereste. Iz raskopok 1977 — 1983 gg. Moskva, 1986.

NGB 1993 — V. Ya. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskiye gramoty na bereste. Iz raskopok 1984 — 1989 gg. Moskva, 1993.

NIL 1950 — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov. Moskva; Leningrad, 1950.

Obnorskiy, Barkhudarov 1999 — S. P. Obnorskiy, S. G. Barkhudarov. Khrestomatiya po istorii russkogo yazyka. Ch. I, Moskva, 1999.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi. Lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.

Prospekt AS 2010 — V. Yu. Apresyan, Yu. D. Apresyan, Ye. Ye. Babayeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, M. Ya. Glovinskaya, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptencova, A. V. Sannikov, Ye. V. Uryson. Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka. Moskva, 2010.

Sannikov 2008 — V. Z. Sannikov. Russkiy sintaksis v semantiko-pragmaticheskom prostranstve. Moskva, 2008.

Slovar XI—XVII — Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 4. Moskva, 1977.

Slovar XI—XIV 1988 — Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv. Vyp. 1. Moskva, 1988.

Slovar XI—XIV 1989 — Slovar drevnerusskogo yazyka XI — XIV vv. Vyp. 2. Moskva, 1989.

Słownik prasłowiański 1979 — Słownik prasłowiański. T. III. Wrocław; Warzsawa; Kraków; Gdańsk, 1979.

Sreznevskiy 1958 — I. I. Sreznevskiy. Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka. T. I. Moskva, 1958.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 2004.

Резюме

В статье обсуждается гипотеза о происхождении древнерусского союза *даже* ‘если’. Предполагается, что образование данного союза связано с конструкцией *да* + praesens, внутрь которой могла вставляться частица *же* (имевшая, вероятно, противительное значение). Эта гипотеза весьма сходна с гипотезой о происхождении древнерусского целевого союза *дати*, предложенной А. А. Зализняком, предполагавшим, что образование этого союза напрямую связано с конструкцией *да* + praesens.

Если выдвинутое предположение верно, смыслы ‘императивность’ и ‘оптативность’ не должны считаться единственными связанными с описываемой конструкцией: видимо, она могла иметь также условное значение (как современная русская конструкция *пусть* / *пускай* + глагол). Ввиду того, что союз *даже* ‘если’ мог использоваться в памятниках, отражающих живой язык (например в Мстиславовой грамоте), книжный язык не должен считаться единственной сферой употребления *да* + praesens.

Ключевые слова: древнерусский язык, семантика, синтаксис, союз *даже*.

Статья получена 30.03.2014

ANNA V. PTENCOVA

DAŽЬ VЪ NJA POJA OBRJAŠČE KRIVO...: ON THE CONJUNCTION *DAŽE* AND THE STATUS OF THE «*DA* + PRAESENS» CONSTRUCTION IN OLD RUSSIAN

The article proposes a hypothesis of the origin of Old Russian conjunction *daže* ‘if’, wherein it is supposed to derive from the *da* + praesens construction with particle *že* (which probably had an adversative meaning) inserted into it secondarily. This view is similar to the hypothesis put forward by A. A. Zalzinjak of the origin of Old Russian conjunction *dati* introducing purpose clauses. Zalzinjak supposes this conjunction to be connected directly with the construction *da* + praes. If the hypothesis of the origin of *daže* is valid, ‘imperativeness’ and ‘optativeness’ may not be the only two meanings initially attached to the construction in question: it could also express conditionality (like the Modern Russian construction *pust’*/*puskaj* + verb). The use of conjunction *daže* ‘if’ was not restricted to literary language: examples of it are found in documents (e.g. *Mstislavova gramota*).

Keywords: Old Russian, semantics, syntax, conjunction *daže*.

Received on 30.03.2014